

Французская рапсодия

Автор:

Антуан Лорен

Французская рапсодия

Антуан Лорен

Шестеро молодых парней и одна девушка – все страстно влюбленные в музыку – организуют группу в надежде завоевать всемирную известность. Их мечтам не суждено было исполниться, а от их честолюбивых планов осталась одна-единственная записанная в студии кассета с несколькими оригинальными композициями. Группа распалась, каждый из ее участников пошел в жизни своим путем, не связанным с музыкой.

Тридцать лет спустя судьба снова сталкивает их вместе, заставляя задуматься: а не рано ли они тогда опустили руки?

«Французская рапсодия» – яркая и остроумная сатира на «общество спектакля».

Антуан Лорен

Французская рапсодия

Каждый из нас хранит в глубине души потаенные секреты, смутные впечатления, похожие на обрывки предыдущего существования или наброски будущей жизни, нечто вроде психической пыли – пепел памяти или зерно предвидения.

Анри де Ренье. Тетради (1927)

Рапсодия – в классической музыке сочинение свободной формы и стиля для одного или нескольких инструментов, а также для симфонического оркестра. Близкая к фантазии, рапсодия почти всегда основана на национальных или региональных мотивах и ритмах.

Antoine Laurain

RHAPSODIE FRANÇAISE

© 2016, Editions Flammarion, Paris

Published in the Russian language by arrangement with Editions Flammarion

© Издание на русском языке, перевод на русский язык. Издательство «Синдбад», 2019

Письмо

Заместитель директора – невысокий усталый человек с подернутыми сединой усами – пригласил его в свой крохотный кабинет без окон за канареечно-желтой дверью и предложил присесть. При виде рекламного плаката в аккуратной рамке на Алена вновь напал нервный смех, неудержимый и сопровождающийся неприятной мыслью о том, что Бог, если он существует, наделен сомнительным чувством юмора. Плакат изображал группу жизнерадостных почтальонов, мужчин и женщин, победно глядящих в объектив с поднятыми вверх большими пальцами. Поверху шла надпись желтыми буквами: «Все, что вам сулит будущее, доставит почта».

– Вы уверены в своих слоганах? – снова хохотнул Ален.

– Не надо иронизировать, месье, – степенно произнес чиновник.

– Иронизировать? – переспросил Ален и показал письмо: – Опоздание на тридцать три года! У вас есть этому объяснение?

– Оставьте этот тон, прошу вас, – монотонным голосом сказал усач.

Ален молча смотрел на него. Тот секунду-другую выдерживал его взгляд, после чего медленно протянул руку к синей папке, торжественно открыл ее, лизнул палец и принялся неторопливо перелистывать страницы.

– Как, вы сказали, вас зовут? – пробормотал он, не поднимая глаз на Алена.

– Масулье.

– Доктор Ален Масулье, улица Москвы, дом тридцать восемь, Восьмой округ, Париж, – вслух прочитал чиновник. – Вам известно, что мы постоянно модернизируемся?

– Я вижу результаты вашей модернизации, – ответил Ален.

Усач окинул его тяжелым взглядом, без слов говорившим: «Не советую вам лезть в бутылку». Но озвучить угрозу вслух он все же не решился.

– Повторяю: мы модернизируемся. На прошлой неделе мы разобрали деревянные стеллажи, установленные в пятьдесят четвертом году, когда было построено это здание. На полу рабочие обнаружили четыре почтовых отправления, проскользнувшие в щели за полками. Самое раннее из них относится к... – он сверился с документом в папке, – шестьдесят третьему году. Имеется также открытка от семьдесят восьмого года, письмо от восемьдесят третьего – как раз ваше – и еще одно, от две тысячи второго. Мы сделали все от нас зависящее, то есть доставили корреспонденцию получателям – тем из них, кто еще жив и не сменил адрес. Вот так. – И он захлопнул папку.

– И вы даже не извинитесь? – спросил Ален.

Почтовый чиновник молчал.

– Если желаете, – после долгой паузы сказал он, – мы можем направить вам официальное письмо с извинениями. Оно вам необходимо?

Ален посмотрел на него и перевел взгляд на стоявшее на столе чугунное пресс-папье с эмблемой почтовой службы. На краткий миг ему почудилось, что он хватает пресс-папье со стола и наносит усатому коротышке несколько мощных ударов.

– Письмо содержит документ юридической силы? – нехотя выдавил почтовик. – Задержка его доставки позволяет вам подать в суд на почтовое ведомство? Вы не смогли вступить в права наследства? Или получить причитающуюся вам долю?..

– Нет, – оборвал его Ален.

Усач потребовал, чтобы он расписался на какой-то бумажке, которую Ален не стал даже читать. Он вышел из кабинета и задержался возле большого контейнера, в который рабочие складывали массивные дубовые балки и металлические конструкции, переговариваясь на каком-то незнакомом языке, возможно сербохорватском. Проходя мимо аптеки, Ален остановился и посмотрел на свое отражение в зеркальной витрине. Седая голова. Очки без оправы, которые, если верить продавщице из «Оптики», его «молодили». Стареющий докторишка, вот кого он видел в зеркале. Стареющий докторишка, каких в этой стране тысячи. Докторишка, как и его отец.

* * *

Отпечатанное на машинке и подписанное зелеными чернилами, письмо пришло с утренней почтой. В левом верхнем углу красовалась эмблема знаменитой звукозаписывающей фирмы: полукруг в виде виниловой пластинки, символизирующей восходящее – или заходящее, кому как нравится, – солнце, а под ним – буквы названия. Бумага по краям пожелтела. Ален трижды перечитал текст письма, а потом рассмотрел конверт. Все правильно: его имя, его фамилия, его адрес. Все было в полном порядке. Все, кроме даты.

12 сентября 1983 года. Та же дата значилась на марке – давно вышедшей из обращения, с изображением Марианны; почтовый штемпель был полустерт, но

буквы и цифры отпечатались вполне отчетливо: «Париж, 12/09/83». Ален подавил очередной невеселый смешок и потряс головой. С лица его не сходила недоверчивая улыбка. Тридцать три года. Письмо шло к нему через три столичных округа тридцать три года. Дневную почту – счет за электричество, «Фигаро», «Нувель обсерватор» и три рекламные листовки: от торговца мобильными телефонами, от туристического агентства и от страховой компании – ему принесла консьержка, мадам Да-Сильва. Ален чуть было не выскочил за ней на лестницу, чтобы спросить, откуда взялось письмо. Но она уже наверняка вернулась к себе в каморку. Да и в любом случае, что она могла знать? Почту доставил почтальон, а она просто разнесла ее по квартирам.

Париж, 12 сентября 1983

Уважаемая группа «Голограммы»!

Мы с большим интересом прослушали запись ваших пяти композиций, отправленных нам в начале лета. Очень точная и профессиональная работа. Разумеется, она нуждается в дальнейшей доработке, но уже сейчас можно сказать, что вы нашли свой «звук». Наибольшее внимание привлекает композиция под названием «We are such stuff as dreams are made of». Вы прекрасно владеете техникой new- и cold wave, обогащенной оригинальной рок-стилистикой.

Просим связаться с нами, чтобы договориться о личной встрече.

Сердечно ваш,

Клод Калан,

художественный руководитель

Тон письма был одновременно свойский и уважительный. Алену особенно понравились слова «очень точная и профессиональная работа», хотя ремарка о том, что «работа» нуждается в «доработке», производила впечатление некоторой тяжеловесности. Зато продолжение... Оно не просто сулило перспективу, оно означало признание. Еще бы, подумал Ален, хорошо вас понимаю. Композиция «We are such stuff as dreams are made of» действительно была самой лучшей, а вокал в исполнении Беранжеры делал ее подлинной жемчужиной. Ален закрыл глаза и как наяву увидел ее лицо: огромные, слегка испуганные глаза, короткая стрижка со спадающей на лоб прядью... Он вспомнил, как она подходила к микрофону, обхватывала его обеими руками и не выпускала, пока не допоеет песню. У нее был нежный голос с легкой хрипотцой, удивительной для девятнадцатилетней девушки. Ален открыл глаза.

«Договориться о встрече». Сколько раз они, все пятеро, произносили это слово – встреча, – заимствованное из лексикона бизнесменов и влюбленных. Сколько надежд они возлагали на встречу с представителями звукозаписывающей компании: встречаемся в понедельник в 11 утра в нашем офисе. У нас встреча с «Полидором». Эта встреча так и не состоялась. Группа «Голограммы» распалась. Впрочем, что значит «распалась»? Правильнее сказать, что жизнь их разметала. Устав ждать ответ от фирмы звукозаписи, они поддались разочарованию и разошлись в разные стороны.

* * *

На кухню зашла заспанная Вероника в голубом шелковом халате. Ален поднял на нее взгляд и протянул ей письмо. Она зевнула и пробежала листок глазами.

– Какая-то ошибка, – сказала она.

– Никакой ошибки, – возразил Ален и показал ей конверт. – Ален Масулье – это я.

– Ничего не понимаю, – пробормотала Вероника и потрясла головой, показывая, что разгадывание головоломок с утра пораньше – не ее конек.

– Дата. Посмотри на дату.

– Восемьдесят третий год, – вслух прочитала она.

– «Голограммы» – это была моя группа. Моя рок-группа. Хотя, строго говоря, мы исполняли не рок, а нью-вэйв, точнее даже коулд-вэйв. Как тут и написано, – сказал он и ткнул пальцем в нужную строчку в письме.

Вероника протерла заспанные глаза.

– Письмо шло ко мне тридцать три года. Через три городских округа.

– Ты уверен? – спросила она и перевернула конверт.

– А у тебя есть другое объяснение?

– Надо узнать на почте, – сказала Вероника и села на стул.

– Само собой. Уж в этом удовольствии я себе не откажу, будь спокойна.

Он встал и включил кофемашину «Неспрессо».

– Сделай и мне чашку, – попросила Вероника и еще раз зевнула.

Ален подумал, что жене надо бы притормозить со снотворными – сил не было смотреть на нее по утрам, взъерошенную, как землеройка, не говоря уже о том, что в ближайшие два часа нечего и думать попасть в ванную, которую она оккупирует, чтобы привести себя в порядок. В общем и целом Веронике требовалось не меньше трех часов, чтобы обрести подобие человеческого облика. После того как дети покинули дом, Ален и Вероника снова, как в первые годы брака, жили вдвоем. Но с тех пор минуло двадцать пять лет, и вещи, когда-то казавшиеся милыми, теперь немного тяготили, например взаимное молчание за ужином. Чтобы заполнить его, Вероника рассказывала о своих клиентах и последних дизайнерских находках, а Ален вспоминал пациентов или коллег; затем они принимались обсуждать планы на отпуск, редко соглашаясь в выборе направления.

Боль в спине

Ален неделю не выходил из дома. В тот самый день, когда пришло письмо, ему прострелило спину. Поначалу он диагностировал у себя люмбаго, но, поразмыслив, пришел к выводу, что это скорее приступ остеохондроза или воспаление седалищного нерва. А может, и нет. Ничего тяжелого он не поднимал, никакого подозрительного хруста при резком движении у себя не слышал. Возможно, недомогание носило психосоматический характер, но дела это не меняло: он валялся в пижаме в постели, обложившись грелками, глотал лекарства, а по квартире передвигался, как дряхлый старик, крохотными шажками и с мучительным выражением лица. Его помощница Мариам получила задание отменить все назначенные консультации и отправляться домой.

* * *

День тянулся бесконечно. Письмо, полученное с задержкой в тридцать три года, словно произвело обратный эффект, заставив время замедлить свой бег. К четырем часам у Алена сложилось четкое ощущение, что он сидит в кабинете и выслушивает жалобы пациентов уже часов пятнадцать, не меньше. Выпуская очередного больного, он окидывал взглядом приемную, которая не пустела, а только все больше заполнялась народом. Причиной наплыва была эпидемия гастроэнтерита. Ален выслушал десятки историй о поносе и болях в животе. «Доктор, у меня такое впечатление, что я весь состою из жидкого говна!» – доверительно сообщил ему сосед-мясник, красноречиво раскинув в стороны руки. Ален молча осмотрел его, решив про себя, что больше никогда не будет покупать у него в лавке мясо. Этот день должен был пройти тихо и спокойно. Ты похоронил свои юношеские мечты, и тебе казалось, что они давно растаяли в тумане лет, а потом вдруг замечаешь: да ничего подобного. Труп по-прежнему здесь, лежит непогребенный, наводя на тебя ужас. Следовало срочно вырыть ему могилу. За чтением письма должна была последовать торжественная и мрачная церемония, какой-нибудь безмолвный прощальный ритуал, сопровождающийся курением благовоний. Вместо этого к нему устремился весь город, и каждый пришедший приносил отвратительную типовую историю про кишечные спазмы и жидкий стул.

Восьмилетнюю Амели Бертье привела мать. У девочки болел не живот, а горло, и она наотрез отказывалась открыть рот. Ее усадили на край стола, но, стоило Алёну приблизиться к ней с одноразовым шпателем и фонариком, негодница заелозила и отчаянно замотала головой.

– А ну сиди смирно! – не выдержав, рявкнул он.

Девчонка мгновенно уgomонилась и послушно открыла рот. Пока Ален выписывал рецепт, в кабинете царило тягостное молчание.

– Ей не хватает твердой руки, – сквозь зубы процедила мамаша.

– Возможно, – холодно отозвался Ален. – А чего вы хотите? Если отца дома практически не бывает, – добавила мать в явной надежде, что доктор задаст ей пару-тройку наводящих вопросов.

Но Ален не поддался на уловку. Проводив пациентов, он рухнул в кресло и позволил себе посидеть несколько минут, массируя виски.

* * *

Рабочий день завершился в двадцать минут восьмого. Последним Ален принял пациента с экземой, которому вздумалось устроить себе обострение, внося свой скромный вклад в его сегодняшние неприятности. До него был еще один отит, одно воспаление мочевого пузыря, несколько бронхитов и куча гастроэнтеритов. Ален не меньше дюжины раз произнес магическую формулу «кишечная микрофлора». Он давно заметил: больным с желудочными расстройствами нравится, когда им говорят: «Вам необходимо восстановить кишечную микрофлору». Они одобрительно кивают головой – роль садовника собственных потрохов представляется им более чем достойной. Проводив до дверей пациента с экземой, Ален тщательно вымыл и продезинфицировал руки, после чего пошел на кухню, плеснул себе неразбавленного виски и выпил его почти залпом. Затем он направился к стенному шкафу в прихожей и принялся снимать с полок хранящиеся там вещи. Вскоре на полу рядом с ним лежали: утюг, маски для плавания, папки с бумагами, пляжные полотенца, детские школьные дневники... Ален искал ответ на вопрос, терзавший его с самого утра: цела ли обувная коробка с фотографиями группы и кассетой? Он не помнил, куда она подевалась. Долгие годы она стояла на верхней полке, но что стало с ней потом? Он и правда выбросил ее или только собирался выбросить? Чем больше разнородных предметов скапливалось на ковре, тем реалистичнее выглядела именно первая версия. Между тем единственное, чего ему сейчас на самом деле хотелось, – это пойти в гостиную, вставить кассету в старый магнитофон «Ямаха» и прослушать запись. Особенно песню «We are such stuff as dreams are

made of». У него в голове целый день звучала ее мелодия и голос Беранжеры. «Идиот, идиот, идиот...» – простонал Ален. Ну конечно, он ее выбросил. Теперь он точно вспомнил. Это было два или три года назад, в бесконечно долгие пасхальные выходные, когда он решил навести порядок в стенном шкафу. Он взял большой пластиковый мешок для мусора и бросил туда коробку, даже не открыв ее, вслед за старыми счетами и сношенной обувью, которую больше никто никогда не надел бы. Он покидал в мешок кучу своих вещей, привезенных еще от родителей и пролежавших в шкафу десятилетия. В самой глубине шкафа, за тремя пальто, он обнаружил черный чехол с лейблом Gibson и звуковой усилитель фирмы Marshall. Он бережно взял чехол и открыл на нем молнию. Черная лакированная электрогитара блестела как новенькая – время было над ней не властно. Лет десять назад дети попросили его показать им гитару. Он выполнил их просьбу, но сыграть что-нибудь отказался. Они тогда здорово удивились: надо же, у отца, оказывается, есть электрогитара и он даже умеет на ней играть. Ален провел пальцами по струнам, быстро застегнул молнию и убрал гитару в дальний угол шкафа, за вешалки с зимними пальто. Вот тут ему и прострелило спину. Час спустя он уже лежал на диване.

Sweet-80

Все началось с объявления в журнале «Рок & Фолк». «Группа new wave “Голограммы” и вокалистка Беранжера ищут гитариста (электрогитара). Желателен высокий исполнительский уровень. Мы молодая, но перспективная группа. Торопитесь, пока мы не прославились!» Ален пошел по указанному адресу. Прослушивание проходило в гараже частного дома в Жювизи, принадлежащего родителям басиста, найденного за несколько недель до Алена тем же самым способом. Кроме него, явились еще два кандидата. Ален сыграл «Eruption» Ван Халена, пару композиций группы Queen и «The Wall» из репертуара Pink Floyd, и его приняли.

Истории всех групп выглядят одинаково. Люди разных взглядов собираются вместе, объединенные любовью к музыке, потому что они привыкли играть для себя и им хочется встретиться с другими ребятами и девчонками, которые тоже играют для себя. Им хочется сочинять песни, которых не передают по радио, потому что они поняли кое-что важное о своем времени и мечтают поделиться этим знанием не только со своими ровесниками, но и с огромной и загадочной сущностью, именуемой «зрителями». «Битлз», «Роллинг Стоунз», «Индошин» или

«Телефон» начинались именно так, со знакомства по объявлению, чуть ли не случайно. Когда перед вами вся жизнь, когда поле возможностей кажется необъятным, когда вы в таком возрасте, что и вообразить себя не можете пятидесятитрехлетними – самая мысль об этом представляется чистой абстракцией, – это значит, что вам по двадцать лет, у вас в запасе вечность, а весь мир только и ждет, чтобы выразить вам свое восхищение. Вы еще не пережили – за редким исключением – ни одной сколько-нибудь серьезной трагедии; вы по-прежнему живете с родителями, вас окружают привычные вещи и хорошо знакомые люди. Все в ваших руках.

Вокал – Беранжера Леруа

Электрогитара – Ален Масулье

Ударные – Станислас Лепель

Бас-гитара – Себастьян Воган

Клавишные – Фредерик Лежен

Музыка – Лежен/Лепель

Стихи – Пьер Мазар

Продюсер: «Голограммы» и ЖБМ

Одна девушка и четыре парня. Это и была группа «Голограммы». Пять человек разного происхождения, чьи жизненные пути никогда не пересеклись бы, если бы не музыка. Сын врача из семьи среднего достатка – Ален. Провинциалка из Бургундии, поступившая в Художественную школу при Лувре и мечтавшая о карьере певицы, – Беранжера. Сын дантиста из Нейи, студент Школы изящных искусств, бредивший ударными, – Станислас Лепель. Сын железнодорожного кондуктора, игравший на синтезаторе и сочинявший музыку, – Фредерик Лежен. Наконец, сын сапожника из Жювизи, владельца небольшой ремонтной мастерской, в которой не только чинили обувь, но и изготавливали ключи,

виртуоз бас-гитары, – Себастьян Воган. Позже к ним присоединился Пьер Мазар, писавший для них тексты песен; он был старше остальных и ничего не понимал в музыке, занимался торговлей предметами искусства и собирался стать антикваром. Помешанный на литературе, особенно на поэзии, он принял брошенный ими вызов и согласился сочинять песни на английском, в том числе написал «We are such stuff as dreams are made of», из которой они надеялись сделать свою визитную карточку. «Мы созданы из вещества того же, что наши сны»[1 - Буря. Пер. М. Донского.] – это была строка из Шекспира – загадочная, как эзотерическое заклинание, и идеально ложившаяся в стилистику new wave. Беранжера познакомилась с Пьером на студенческой вечеринке в школе Лувра. С ним и с его младшим братом – Жан-Бернаром Мазаром, он же ЖБМ.

* * *

Ален лежал в постели, охваченный острым чувством сожаления, – если только это не был приступ хандры, предвестие начинающейся депрессии и нервного истощения. Весь его врачебный арсенал – стетоскоп, тонометр, таблетки и микстуры – был сейчас бесполезен и не мог помочь ему ни поставить себе диагноз, ни назначить лечение.

Во времена «Голограмм» еще существовали виниловые сорокапятки, которые он покупал в магазинчике грампластинок или в «Моно-при». Потом магазинчик закрылся и на его месте появилась лавка «Феликс Потен», но она открывалась так поздно, что вскоре разорилась; с ее исчезновением с улицы пропала последняя маленькая бакалея; после этого помещение сменило несколько вывесок, и сегодня в нем прочно обосновался магазин, торгующий суперсовременными айфонами и айпадами с приложениями для скачивания музыки и фильмов. Фотомагазина тоже больше не было. Раньше там покупали кассеты фотопленки «Кодак» – на 12, 24 или 36 кадров – и сюда же относили проявлять и печатать снимки; явившись неделю спустя их забирать, вы обнаруживали, что половина из них вышли нечеткими и размытыми. Сегодня любой мобильный телефон позволяет совершенно бесплатно сделать больше трех тысяч фотографий, мгновенно увидеть результат и убедиться, что он чаще всего вполне удовлетворительный. Ален подумал, что простая фраза «Сейчас сфоткаюсь на телефон» каких-нибудь тридцать три года назад заставила бы окружающих принять произнесшего ее человека за беглого пациента психушки. В 1983 году никому и в голову не пришло бы, что можно идти по улице и разговаривать по телефону. Если бы нам тогдашним предложили айфон, большинство из нас удивились бы: а зачем он нужен? Что у нас осталось

неизменным с восьмидесятых? Мало что, а может, и вовсе ничего. Телеканалов было шесть, а стало сто пятьдесят с лишним, достаточно поставить спутниковую антенну. Раньше был один телевизионный пульт, а сегодня их по меньшей мере три – от цифрового видеорекордера, от плазмы и от аудиоколонок. Вся эта электроника постоянно обновляется, а назначение трех четвертей кнопок на каждом очередном пульте представляет для нормального человека тайну, покрытую мраком. Цифровые гаджеты захватили мир, их возможности беспрестанно расширяются и уже расширились до того, что ты можешь, сидя на террасе кафе, делать тьму вещей. Всемирная паутина предоставляет нам неограниченный доступ к чему угодно, от курсов в Гарвардском университете до порнофильмов, не говоря уже о редчайших записях, которыми раньше владели на вилле три маньяка в разных уголках земного шара, а сегодня может слушать любой желающий, достаточно зайти на Youtube. Торговцы Всемирной энциклопедией, прежде ходившие от двери к двери, вышли в тираж – как и сама Всемирная энциклопедия, – кому она нужна, если есть Википедия? Любой дурак за три клика мышки может сколько душе угодно листать профессиональный медицинский атлас с леденящими кровь фотографиями. Появились даже форумы, на которых профаны на полном серьезе играют «в больницу» и устраивают бесконечные дискуссии, ставя друг другу диагноз, разумеется ошибочный, и назначая лечение, разумеется бесполезное. Ален уже успел привыкнуть к тому, что пациенты то и дело говорят ему: «Доктор, а я вот читал в интернете...»

А что случилось с кумирами тех лет? Принс почти не показывался на публике, разве что в Сети иногда мелькало предложение скачать его новую песню – находились ли желающие платить за нее деньги и как много их было, никто не знал. Дэвид Боуи с истинно британской невозмутимостью исчез с радаров и не подавал признаков жизни; о нем ненадолго вспоминали, когда он выпускал очередной альбом – маловыразительный и чудовищно депрессивный. Солист группы U2 Боно целиком посвятил себя заботам о судьбах обездоленных народов и, судя по всему, мечтал – возможно, не без оснований – занять пост Генерального секретаря ООН. Майкл Джексон, истерзанный пластической хирургией, закончил жизнь в оболочке чуть ли не транссексуала, плотно подсев на снотворные, пока не случился финальный передоз; закат его карьеры омрачили какие-то мутные истории, связанные с маленькими мальчиками.

Разумеется, появились и новые кумиры. Ален знал, что есть Эминем, Адель, Рианна и Бейонсе, но... Он несколько раз видел их на музыкальных каналах, но лишь утвердился в убеждении, что современная музыкальная культура балансирует между рэпом и попсой, иногда принимая облик диковинного

гибрида первого с вторым; в клипах чрезмерно накрашенные девушки, одетые, как элитные проститутки, вихляли задницей, прохаживаясь между роскошными тачками... Все их песни были похожи одна на другую; не сказать чтобы совсем бездарные, они все же были обращены к подростковой аудитории, известной своим непостоянством и готовой назавтра забыть то, чем восхищался сегодня. «Голограммам» это не грозило. Их никто не мог забыть – по той простой причине, что никогда про них не слышал.

Сверхмотивация

Они встречались в выходные. Чаще всего – в Жювизи, в гараже рядом с домом из известняка, принадлежавшим родителям Себастьяна Вогана. Вначале надо было вывести из гаража машину его отца, «Пежо-204», и отогнать ее на соседнюю улицу. Обычно этим занимался Воган, недавно получивший права, – он успевал освободить гараж, пока не подойдут остальные. На дальней стене висели на крюках инструменты, на верстаке стоял деревообрабатывающий станок, на котором сапожник своими руками смастерил стол и стулья для столовой. Здесь же висел старый, родом из 1960-х, плакат Коммунистической партии, призывавший рабочих объединяться накануне Великой революции, но об этом Воган не любил распространяться. Отец Себастьяна и правда был членом компартии, но больше они ничего про него не знали – его сын, обычно молчаливый, оживлялся, только когда речь заходила о дисках и бас-гитаре.

С Лепелем Беранжера познакомилась в тот день, когда у нее было назначено свидание с ее тогдашним бойфрендом. Во дворе знаменитой Школы Лувра шла репетиция духового оркестра, и Лепель играл на большом барабане. В перерыве он подошел к девушке, которая остановилась их послушать и выкурить сигарету.

– Это все фигня, – сказал он ей. – И большой барабан фигня, и весь этот оркестр. Я вообще-то на ударных играю. Мне бы в группу попасть. В настоящую. Мечтаю стать барабанщиком.

– Как Чарли Уоттс? – спросила Беранжера.

– Лучше! – ответил Лепель. – Чарли Уоттс не так уж крут. Но это хорошо, что ты его назвала. Большинство из всех «Стоунз» знают только Мика Джаггера и Кита Ричардса. Ты любишь музыку?

Беранжера сказала, что она поет. Два месяца назад она нашла неподалеку от Нотр-Дам расположенный в подвальчике небольшой бар с пианино. Он назывался «Акажу». После прослушивания ее пригласили петь там два вечера в неделю, с десяти до полуночи. Платили сто пятьдесят франков за выход – как карманные деньги ее это устраивало. Она исполняла песни из репертуара Барбары, Гензбура и немного Сильви Вартан, но лучше всего шел Дэвид Боуи, особенно композиции в стиле new wave. Однажды вечером Лепель заглянул в этот бар и познакомился с пианистом. Тот сказал, что сам он «слишком стар», чтобы участвовать в авантюрах, зато знает «одного мальчонку», Фредерика, сына армейского друга, который отлично управляет с синтезатором. Он дал им телефон «мальчонки», и Фредерик Лежен вошел в состав группы. Теперь у «Голограмм» были клавишные, ударные и вокалистка, и они выступали на всяких муниципальных мероприятиях, проводившихся на открытом воздухе, или в скромных пригородных зальчиках.

Однажды вечером Лепель решился.

– Слушай, – сказал он Беранжере. – Может, сходим куда-нибудь вместе? Ты все-таки офигительно красивая.

– Спасибо за «все-таки».

– Да нет, ты меня не поняла, я же серьезно...

Повисло неловкое молчание, которая прервала Беранжера:

– Ты хороший парень, Станислас, но нет.

– Ладно, – кивнул Лепель. – И вообще правильно. Не хватало еще заводить шашни внутри группы. Тем более у меня в художке от чувих отбою нет, – соврал он.

* * *

Они понимали, что им необходимо расширяться: что это за группа без электрогитары и бас-гитары? Кроме того, им надоело исполнять чужие композиции и хотелось чего-то своего. Фредерик Лежен сочинял симпатичные мелодии, но Лепель утверждал, что им «не хватает драйва». Гитара и бас могли бы его добавить. Они решили поместить объявление в журнале «Рок & Фолк». На него откликнулось десять бас-гитаристов, и у большинства уровень исполнения был существенно ниже их ожиданий. Потом пришел Воган и, ни слова не говоря, тронул струны бас-гитары. Доиграв, он поднял на них глаза и пробормотал:

– У меня опыта мало. Если честно, это мое первое прослушивание.

– Оно же и последнее, – сказал Лепель, – потому что мы тебя берем. Ты не против, Беранжера?

Затем состоялся отбор гитаристов, и группа пополнилась Аленом. Отныне «Голограммы» насчитывали пять человек.

Мелодии, которые сочинял Лежен, становились все лучше; Беранжера пела все увереннее; Ален все время, свободное от подготовки к экзаменам за второй курс медицинского, посвящал совершенствованию техники; Лепель почти бросил ходить на занятия в свою «художку» и целыми днями стучал на барабанах; Воган, учившийся на столяра, играл все так же превосходно, но перед ними встала серьезная проблема – у них не было подходящих текстов для песен. Лепель взялся сочинить слова для трех первых композиций, но результат вышел удручающим: там было что-то про загадочных девушек и про ночь без конца, когда светит красная луна и человеку не до сна. Ален тоже попытался сочинить стихи, которые никого не убедили. Воган наотрез отказался даже пробовать себя в роли поэта, как и Лежен. Принесла свое творение и Беранжера – ее текст сочли приемлемым, но чересчур «девчачьим».

Осведомившись о ценах в приличных студиях (цены оказались неподъемными), они решили записываться в гараже папаши Вогана и посвятили этому целый уик-энд. Им несколько раз приходилось прерываться – то мимо с тархтеньем проезжал мотоцикл, то принималась гавкать соседская собака. Качество звука оставляло желать лучшего, но они сочли, что для пробного диска сгодится. Тем не менее группа придерживалась единодушного мнения, что показывать диск рано и надо работать еще, пока не получится что-нибудь, по выражению Алена, действительно забойное.

– Ты прав, чувак, – сказал Лепель. – Нам позарез нужен автор слов и настоящая студия. И петь надо на английском – мы же хотим, чтобы нас слушали во всем мире. Мы не какой-нибудь «Индошин» или «Телефон». Мы лучше, чем U2, лучше, чем Eurythmics, лучше, чем Depeche Mode! Мы – «Голограммы»! Мы будем первыми!

Голубые слова

У него созрел план. Он надеялся, что, осуществив его, то есть разыскав бывших участников группы, он излечится от смутного чувства сожаления и тоски. Неправильно, что ему одному стало известно о приглашении на переговоры в «Полидор», тем более что у него не сохранилось ни одной записи. Ален с трудом поднялся и поплелся в кабинет, к своему столу, по пути чуть не налетел на кушетку для осмотра пациентов, наконец кое-как уселся в кресло и включил компьютер. Сделать артистическую карьеру им не удалось, это верно, но далеко не все музыканты группы «Голограммы» прозябали в неизвестности. Легче всех было найти Себастьяна Вогана, чей клуб французского бильярда располагался буквально в двух шагах, но Алену меньше всего на свете хотелось о чем бы то ни было его просить. Робкий толстяк, виртуозно игравший на бас-гитаре, к своим пятидесяти трем превратился в отъявленного мерзавца и политика крайне правого направления. Здоровенный бритый наголо качок, Воган теперь ходил в неизменной черной майке и кожаной куртке, научился молотить языком, требовал, чтобы к нему обращались только по фамилии, и возглавлял ячейку под названием БЗС – «Белая западная сила». На протяжении последних лет он без конца мелькал в интернете и неоднократно привлекался к ответственности за разжигание расовой ненависти, драки с полицией и представителями власти и даже за оскорбления в адрес журналистов. Этот призрак прошлого несколько раз возникал в жизни Алена с более или менее продолжительными интервалами и в самых разных местах. Шесть лет назад они случайно встретились в ресторане; до этого сталкивались то в гипермаркете «Касторама», то на праздничной ярмарке в саду Тюильри, то перед багажной лентой в аэропорту Орли. Он никогда не ходил один; его всегда окружала стайка коротко стриженных молодых парней с квадратной челюстью. При встрече с Аленом Воган каждый раз бурно выражал радость, Ален каждый раз давал ему слово, что как-нибудь обязательно сходит с ним выпить, и каждый раз увиливал от исполнения обещания, но Воган не таил на него зла. Тем не менее Ален отдавал

себе отчет в том, что специально идти к Вогану у него нет ни малейшего желания.

На экране появились разноцветные буквы Google, и Ален вбил в строку поиска «Стэн Лепель». Бывший ударник, сменивший имя «Станислас» на «Стэн», пользовался растущей популярностью в мире современного искусства. О нем заговорили лет двадцать назад, когда он устроил в центре Парижа, на колоннах Бюрена, перформанс из тридцати тысяч карандашей и точилок. В течение недели он сидел там день и ночь и точил карандаши, превращая их в груды стружек, которые собирали его ассистенты; затем эти стружки, рассыпанные по картону и помещенные под стекло в красивые рамки, продавал его галерист. Ален хотел по-свойски навестить Лепеля в ходе перформанса, но его не пустили за ограждение – художник запретил кому-либо его отвлекать. Зато Ален приобрел одно из его произведений, которое сегодня украшало спальню его дачного дома в Нуармутье. Гугл выдал кучу ссылок; первой Ален открыл статью в Википедии и прочитал биографию Стэна Лепеля; в статье также перечислялись гигантские инсталляции (игральная кость, ключ, лампочка), которые тот сооружал прямо посреди городских или деревенских пейзажей, бросая дерзкий вызов обществу. Затем Ален направился на сайт художника и рассмотрел официальное фото Лепеля: коротко стриженные волосы, нахмуренные брови. Этот снимок уже попадался ему на страницах журналов наподобие «Современного искусства». На сайте висел список наград, довольно длинный, которых Лепель был удостоен во многих странах мира. Наверху страницы имелась кнопка «Контакты»; щелкнув на нее, Ален обнаружил адрес электронной почты известной художественной галереи на авеню Матиньон и переписал его к себе в блокнот.

В ответ на запрос «Фредерик Лежен» выпала целая куча ссылок – людей с такими именем и фамилией оказалось изрядное число. Ален прошерстил их все, но нужного ему Фредерика Лежена среди них не нашел. В начале 2000-х Фредерик прислал ему буклет отеля, который недавно открыл в Таиланде. Наверное, он рассылал их по всем адресам, сохранившимся в его записных книжках, – на всякий случай. Именно так Алену стало известно, что бывший клавишник группы «Голограммы» решил начать жизнь с нуля в Таиланде. В последний раз он вспоминал о нем, когда случилось то страшное цунами. Уцелел ли отель Фредерика или чудовищная волна, накрывшая побережье, унесла его вместе с владельцем и другими несчастными в море? Из чистого любопытства Ален на протяжении некоторого времени регулярно проверял в интернете, на месте ли «райский уголок в краю улыбок» (так было написано в буклете), но, судя по всему, отель не пострадал. Ален ввел в поисковик имя и фамилию

бывшего товарища и добавил ключевые слова «Таиланд», «райский уголок» и Resort. Маневр удался: отель Bao Thai Resort по-прежнему существовал и все так же претендовал на звание «райского уголка в краю улыбок».

Когда он вбил в строку поиска «Беранжера Леруа», на экране монитора снова появилось множество профилей, но ни один не подходил под описание сегодняшней Беранжеры. Ален довольно быстро закрыл страницу. Он понимал, что Беранжеру ему не найти. Ее родители владели в Бургундии небольшим отелем, но названия его он не помнил; сам он ни разу там не бывал – там не бывал никто из группы, кроме ЖБМ. Кроме того, Беранжера наверняка замужем, а женщины, выходя замуж, меняют фамилию и исчезают из телефонного справочника. Искать через Гугл ЖБМ Ален не стал и пытаться, заранее зная, что ничего не найдет, – да и вообще смешно было надеяться, что ЖБМ поможет ему в этом расследовании.

Часом позже Ален уже отправил по письму на три адреса, выписанных в блокнот: Лежену в Таиланд, Лепелю на имя галериста и Пьеру Мазару на адрес антикварного магазина «Былые времена» на Левом берегу, также выуженный в интернете. Именно этот человек, влюбленный в историю вообще и в историю искусства в частности, сочинил когда-то «We are such stuff as dreams are made of»; не исключено, что он сохранил кассету с записью песни и согласится дать ему ее перезаписать. В качестве благодарности Ален купит у него в магазине какую-нибудь безделицу. Например, ступку – свою, из белого мрамора, доставшуюся в наследство от отца, он разбил, а пациентам обычно нравится видеть в кабинете врача простые и строгие старинные вещицы, это внушает им доверие к профессиональной компетенции хозяина кабинета. Надежда разделить свалившийся на него тяжкий груз открывшейся правды хоть с кем-нибудь принесла Алену облегчение, даже боль в спине немного утихла.

Перед тем как выключить компьютер, Ален вбил в поисковик слова «new wave». Гугл предложил 134 с лишним миллиона ответов. Если верить Википедии, new wave (дословно «новая волна», получившая свое название по аналогии с новой волной французского кино 1950-х) – это «музыкальное направление, объединяющее группы, по преимуществу английские и американские, исполнителей поп-рока, появившиеся после взрывного роста популярности панк-рока, и включающее в себя такие жанры, как электронная и экспериментальная музыка, диско и поп». В статье также перечислялись поджанры new wave: синти-поп, новая романтика и cold wave, то есть холодная волна.

Не больно-то информативно, подумал Ален, которому нью-вейв и колд-вейв представлялись тончайшим сплавом, породившим этот восхитительный холодный звук, одновременно техничный и роскошный. Раньше, в эпоху «Битлз», «Стоунз» или «Лед Цеппелин», было довольно легко распознать голос каждого инструмента, а студийные записи мало чем отличались от концертов вживую. Меньше чем за десять лет благодаря таким пионерам, как «Крафтверк», работа над звуком и техникой микширования шагнула далеко вперед, чтобы достичь расцвета в творчестве Eurythmics. Начало восьмидесятых прошло под знаком английской поэзии, исполняемой под сложнейшие мелодии. По мнению Алена, ранним предвестником «новой волны» была одна песня – холодная, чистая, наделенная собственной магией. Ледяной кристалл продолжительностью три минуты сорок пять секунд. У себя в группе они могли спорить о чем угодно, но по этому пункту никаких разногласий между ними не возникало – все признавали, что песня гениальная. Для Алена это была не просто гениальная песня, это была Песня с большой буквы. Все шедевры западной поэзии от Ронсара до Бодлера в сравнении с ней представлялись черновиками, неуклюжими попытками нащупать суть. К этому идеалу, каждый в свое время, приблизились Элюар, Андре Бретон и Аполлинер – приблизились, но так его и не достигли. Наконец в благословенном 1974 году певец и композитор Даниэль Бевилакуа, более известный как Кристоф, с помощью молодого поэта Жан-Мишеля Жарра сумел описать чувство влюбленности и полную, сродни столбняку, невозможность рассказать о нем любимой женщине. Они написали «Голубые слова».

Ален открыл для себя эту песню в тот единственный период существования – от пятнадцати до двадцати лет, – когда человек действительно способен любить. В этот краткий промежуток, который больше никогда не повторится, и дух, и тело готовы к восприятию любви; в дальнейшем жизнь найдет чем занять ваш мозг и ваше бытие: подготовка к защите диплома, тревога о будущем, поиск работы, стажировка, зарплата, деньги, справки и так далее и тому подобное; беда в том, что этот период начинается слишком рано, в том возрасте, когда никто, кроме редких вундеркиндов, не в состоянии им воспользоваться.

Ален прекрасно помнил себя юношей – он в родительской квартире, у себя в комнате, которая впоследствии станет комнатой его сына. Он лежит на кровати и слушает трагично-пронзительный голос Кристофа, рассказывающий потрясающую историю про девушку, выходящую из здания мэрии, и парня, мечтающего с ней заговорить. Гипнотическая музыка и отдающийся эхом, словно он декламировал в романской церкви, голос певца погружали Алена в опьянение сродни наркотическому, только во много раз сильнее. «Голубые

слова» будили какую-то часть его мозга, затрагивали в нем какую-то сверхчувствительную зону, отчего на глазах у него выступали слезы. Второй куплет, в котором были такие слова:

Больше нет ни часов, ни колокольни,
Только сквер с уснувшими деревьями,
Я возвращаюсь ночным поездом
И вижу ее на перроне.
Она улыбается мне.
Она должна меня понять.
Любой ценой... —

приводили его в состояние, близкое к обмороку. Он видел себя на пустынной платформе Лионского вокзала жарким летним вечером. Он выходит из вагона с тяжелой сумкой. Беранжера медленно идет ему навстречу и наконец бросается ему в объятия. Он чувствовал тепло ее тела, мягкость ее затылка, аромат ее духов. Он находил ее губы и, ошалевший от счастья новой встречи после разлуки, впивался в них жадным поцелуем. Этот эпизод, достойный кадров из фильма Дэвида Лина, фильма, продюсером, режиссером и единственным зрителем которого был сам Ален, не оставлял места сомнениям: Беранжера была его девушкой. Отдавшись во власть пронзительной музыки и собственных фантазий, он уже не мог сдержаться и к концу песни начинал всхлипывать. С ним творилось что-то волшебное. Никогда раньше он не испытывал такой боли – и больше никогда не испытает ее в будущем. Ему было девятнадцать лет, и Беранжера не была его девушкой. У нее был другой парень, немного старше их всех, уже прилично зарабатывавший. Кстати, именно он оплатил шикарную студию, в которой они записали свои четыре песни, и он же нанял двух звукорежиссеров. В свои двадцать три года он уже крепко стоял на ногах. Он приходился родным братом парню, сочинявшему стихи для их песен. У него был немного печальный взгляд и кошачья улыбка, и уже в то время его чаще всего называли инициалами – ЖБМ.

Человек с кошачьей улыбкой

Черный «линкольн» бесшумно скользил по пустынным ночным улицам. В кармане у Авроры последние полчаса непрерывно тренькал айфон, сообщая о доставке очередной эсэмэски.

– Вы были правы, зря я туда пошел, – сказал ЖБМ, не отрывая взгляда от проплывавших мимо фасадов.

Его ассистентка Аврора промолчала. Водитель сбавил скорость и направил машину в туннель под Лувром, выходящий на площадь Пирамид, к позолоченной статуе Жанны д'Арк, возле которой каждое 1 мая собирались правые всех мастей. Он смотрел на стены туннеля, увешанные щитами с заголовками завтрашних газет. «А если это будет он?» – вопрошала «Паризьен». «Либерасьон» недоумевала: «Мазар? Вы правда сказали: Мазар?» Журнал «Экспресс», в последнюю минуту поменявший обложку – доброй половине редакции пришлось пачками глотать таблетки, – остановился на следующем варианте: «Узнаем все сегодня вечером?» Более осторожная «Фигаро», не желая оставаться в стороне, собирала собственное досье, пока что под условным названием «Кто же такой Жан-Бернар Мазар?».

Франсуа Ларнье, кандидат на участие в партийных праймериз, которого позвали в программу «Большие дебаты» на канале «Франс-Телевизьон», решил, что присутствие ЖБМ украсит окружающий пейзаж и добавит мероприятию живости. Поэтому пару недель назад он вместе с помощниками направил этому экономисту и бизнесмену официальное приглашение. ЖБМ его принял вопреки мнению Авроры, сомневавшейся в разумности подобного шага. Передача шла уже примерно полчаса, когда в студии появился ЖБМ, встреченный внимательными взглядами партийного кандидата и членов его команды. Журналисты коротко напомнили зрителям этапы его карьеры: выпускник экономического факультета и Массачусетского технологического института, один из первых инвесторов в сеть интернет, глава компании «Аркадия», согласно индексу САС40 входящей в десятку крупнейших в стране и объединяющей 45 фирм, работающих по всему миру в области разработки программных продуктов, в том числе антивирусных; интернет-компания, в которых он имел долю, исчислялись сотнями. ЖБМ обладал поразительным экономическим чутьем. За три месяца до обвала на бирже он предсказал кризис «плохих долгов», но интервью, в котором он об этом говорил, прошло незамеченным. Собственно, вкладывать средства в развитие интернета он начал задолго до того, как проснулись остальные; именно он финансировал создание предшественника интернета – информационной системы «Минитель», которую

большинство инвесторов воспринимали как бессмысленную игрушку. Клеветники называли его примитивным экономистом, на что ЖБМ неизменно отвечал: «Я не экономист. Я учился на экономическом, а это разные вещи». Он слыл защитником «здорового смысла» и считал, что основой рынка при всей его сложности остается соотношение спроса и предложения, то есть интерес того, кто хочет продать, и того, кто хочет купить, – или это не рынок. Журналисты его обожали – отвечая на их вопросы, он приводил простые и понятные примеры, и интервью с ним пользовались неизменным успехом у читателей. Вот как он объяснял кризис «плохих долгов»: «Представьте себе, что вы хотите привести к себе в квартиру слона. Разумеется, вам понадобится расширить дверной проем и снести межкомнатные стены, но главная проблема не в этом. Главная проблема – это пол. Он обрушится под весом животного, и слон – вместе с вами и, вероятно, вместе с нижними соседями – провалится до первого этажа. Наши аналитики изучают проблему двери и перегородок, а я понимаю, что есть еще и пол. Они видят, что слон большой, а я вижу, что он прежде всего тяжелый». В редакциях газет и журналов немало посмеялись над его историей про слона и ненадежный пол. «ЖБМ рассказывает нам детские сказочки про слоненка Дамбо, которому не досталось волшебного пера, – писал знаменитый финансовый обозреватель. – Не спорю, с развитием интернета он угадал, но качество его макроэкономического анализа оставляет желать много лучшего». Один сатирический еженедельник даже опубликовал карикатуру, на которой ЖБМ был изображен в виде циркового шпрыхсталмейстера; в руках он держал обруч, очертаниями напоминающий Францию, и призывал слона через него прыгнуть. Месяц спустя смех в редакциях экономических изданий стих, а одно упоминание инициалов ЖБМ производило на журналистов примерно то же действие, какое капля уксуса производит на устрицу. Широкая публика знала ЖБМ как человека, сумевшего за два месяца сменить программное обеспечение армии, тогда как правительство отводило на этот процесс три года. Старая система Louvois работала из рук вон плохо, постоянно сбоила, из-за чего военные не получали вовремя денежное довольствие. Дело грозило обернуться скандалом, но стоило установить во всех армейских подразделениях программный продукт «Аркадии» – систему Vauban, – как все наладилось.

Когда в телестудии ЖБМ очень доходчиво обрисовал два сценария выхода из кризиса, его поняли все без исключения, что в политических дебатах случается крайне редко. Когда он коснулся темы государственного долга и рабочих мест, связанных с новой информационной экономикой, его опять-таки поняли все; журналисты лишь молча переглядывались. ЖБМ уже на целую минуту превысил лимит, отведенный ему для выступления, но никто его не перебивал. Про официального кандидата забыли; его помощник по связям с общественностью

бросал на ведущего яростные взгляды, но тот делал вид, что ничего не замечает. ЖБМ засыпали вопросами, и он ответил на каждый: и про закредитованность компаний, и про давление Брюсселя, мешающее стратегическому развитию Франции, и про продолжительность рабочей недели, и про пенсии... Упоминание «ЖБМ» и «Жан-Бернара Мазара» в социальных сетях росло с каждой минутой по экспоненте. Редакционные стажеры, которым было велено приглядывать за количеством отзывов и комментариев на сайте телепрограммы и в Фейсбуке, всполошились, решив, что сервер заражен вирусом: сообщения и лайки сыпались как из рога изобилия. Аудимат показал рост числа зрителей сразу на 30 процентов. Еще через три минуты передача вышла на первое место в рейтинге всех каналов, включая кабельные.

Тут слово взял старый телевизионный волк Жан-Жак Бурден. Сознывая, что благодаря этой минуте войдет в историю телевидения, а может быть, и в историю Франции, он, опередив менее расторопных коллег, сказал:

– У меня последний вопрос. Очень простой. Через полгода президентские выборы. Почему бы вам не выставить свою кандидатуру?

Аврора вздрогнула. Ее взгляд на долю секунды встретился с взглядом Бурдена, и она постаралась вложить в него всю жесткость, на какую была способна; ей хотелось, чтобы он ясно понял: будь у нее возможность, она сбросила бы его со стула и в кровь расцарапала ему физиономию. ЖБМ чуть приподнял брови и улыбнулся.

– Ваша помощница, кажется, недовольна, – пошутил журналист.

Камера переместилась на Аврору, лицо которой тут же приняло бесстрастное выражение.

– Но я жду ответа на свой вопрос, – не отставал Бурден.

В студии повисла тишина. ЖБМ повернулся к партийному кандидату – тот смотрел на него не отрываясь, с полным сознанием того, что, пригласив владельца «Аркадии» в надежде на поддержку, совершил политическое самоубийство. ЖБМ отлично понял значение этого взгляда, но продолжал улыбаться – что еще ему оставалось делать?

– Откровенно говоря, – наконец произнес он, – не думаю, что это имеет смысл.

– В самом деле? – холодно спросил Жан-Жак Бурден.

В эту секунду твиттер передачи достиг точки кипения: две сотни сообщений в секунду.

– Вы уверены? – стоял на своем журналист, не обращая внимания на коллег, готовых растерзать его в прямом эфире: он увел у них из-под носа сенсацию.

– Хорошо, – решительно сказал ЖБМ. – На сегодня достаточно.

Он встал, пожал руки журналистам и официальному кандидату, протянувшему ему свою вялую ледяную ладонь. Провожая удалявшегося ЖБМ взглядом, последний не мог отделаться от ощущения, что смотрит в спину собственному убийце. Теперь он знал, как выглядит смерть – у нее долговязая фигура и волосы с проседью.

* * *

«Линкольн» затормозил на гравийной дорожке. Водитель Макс открыл двери, и ЖБМ с Авророй направились к дому. Из гостиной доносились звуки включенного телевизора. На плоском экране Франсуа Ларнье с вымученной убежденностью предлагал меры по снижению молодежной безработицы. Перечисляя их, он загибал пальцы – так делают дети, еще не научившиеся хорошо считать, – и хмурил брови, очевидно, полагая, что это придаст его выступлению солидности. Бланш приглушила звук и, не поворачиваясь к мужу, медленно захлопала в ладоши.

– Ты – следующий президент этой страны, – сказала она, – а я кое-что в этом понимаю. Мой отец тоже понимал. – Она потянулась к стоящему рядом подносу и взяла с него крохотное пирожное. – Домисиль Кавански звонила.

– Кто это? – спросил ЖБМ.

Бланш развернулась в белом кожаном кресле и улыбнулась насмешливо и в то же время смиренно.

– Домисиль Кавански, – еще раз повторила она.

Нежное имя в сочетании с резкой, как удар хлыста, фамилией, не сулило ничего хорошего. ЖБМ с Авророй переглянулись.

– Только не говорите мне, что она с вами не связывалась. Аврора?

– Да, – подтвердила помощница. – Она оставила мне пять сообщений.

– И вы ничего не сказали? – изумилась Бланш.

– Момент был неподходящий. Она считается номером первым в пиаре, – объяснила Аврора, обращаясь к ЖБМ.

– Перезвони ей сейчас же, – сказала Бланш.

– И не подумаю, – ответил ЖБМ.

– Мне пора, – сказала Аврора.

– Нет-нет, Аврора, не уходите, – попросил ЖБМ. – Может, останетесь ночевать?

– Спасибо, ЖБМ, но я хочу домой.

– Ладно. Тогда я провожу Аврору.

* * *

– Не хватало еще, чтобы Бланш в это вмешивалась, – ворчал ЖБМ, пока они шагали ведущей к саду галереей.

– Вам и правда понадобится немало мужества, – лаконично отозвалась Аврора.

Макс вышел из машины и открыл двери. На крыльце ЖБМ задержался и взял Аврору за руку.

– Слушай, так что нам сейчас делать?

В минуты особого напряжения он внезапно переходил с ней на «ты». С Авророй подобного никогда не случалось. Она закусила нижнюю губу, немного помолчала и сказала:

– Придется принять их правила. Немного пообщаетесь с Кавански, зато избежите конфликта с Бланш. Вы и так популярны, станете еще популярней. Если волна пойдет на подъем, мешать ей не надо. Просто держитесь в стороне. Потом...

– Что потом?

– Потом соскочите. Дадите соответствующее интервью. Как Жак Делор в программе «Семь из семи» в девяносто четвертом. Типа пошутили и хватит.

– Типа пошутили, – пробормотал ЖБМ. – А что, неглупо. Совсем не глупо.

– Задача про козу и капусту. Козу уводим пастись на луг, а капусту возвращаем в огород.

И говорить больше не о чем.

– Не представляю, что бы я без вас делал, – сказал он.

Аврора улыбнулась, пожала плечами и направилась к машине.

– А сколько вам было в девяносто четвертом? – спросил ЖБМ.

– Двенадцать лет, – ответила Аврора.

* * *

Водитель мягко захлопнул дверцу и включил фары. Машина заскрипела по гравию. ЖБМ вернулся в дом.

– Там только о тебе и разговоров! – крикнула ему Бланш из гостиной.

ЖБМ прошел на кухню и налил себе бокал шабли.

Бланш

«Линкольн» с шофером – это, бесспорно, единственная роскошь, которую позволяет себе ЖБМ. У него есть в Париже квартира в сто восемьдесят квадратных метров, но он никогда в ней не жил и предпочитает ее сдавать. Кроме этой квартиры, трех пресс-папье и старых телефонных справочников, все его имущество уместится в одном чемодане. Платить 75 тысяч евро за бизнес-джет, чтобы слетать в Нью-Йорк и обратно, он считает глупостью и расточительством. Он пользуется обычными рейсовыми самолетами. «Ты настоящий аскет, – часто говорю я ему. – Как пришел сюда с одним чемоданом и книгами, так больше ничего и не приобрел, и это за двадцать восемь лет. Правда, сменил модель «линкольна» и нанял другого шофера, потому что прежний достиг пенсионного возраста. Ах да, ты купил себе часы...» Действительно, за все эти годы это была его единственная покупка. Часы марки «Бреге» – из тех, какими пользуются всю жизнь. Иначе говоря, других он себе больше никогда не купит. На самом деле я никогда по-настоящему не понимала этого человека. Он создан для одинокой жизни – в компании с компьютером, бутылкой воды и шофером. Он может существовать в подобном режиме месяцами и не испытает ни малейшего неудобства. Он избегает общества богатых людей, ни от кого не принимает подарков, отказывается от приглашений. Люди чувствуют в нем эту сдержанность, даже те, кто с ним незнаком. Они считают его загадочным человеком, но никакой загадки в нем нет. Мой муж – единственный во Франции крупный бизнесмен, который способен пойти обедать в ближайшее бистро и съесть у стойки яйцо под майонезом, запив его бутылкой «Перье». Кстати, он довольно часто так делает. Он никогда не носит с собой деньги; если у него в кошельке обнаружится двести евро, это будет конец света. Мне кажется, он просто не любит деньги. Когда мы с ним познакомились, он жил в отеле, в так называемом номере повышенной комфортности; разумеется, это не была гнусная дыра, но и роскошным палаццо

с круглосуточным обслуживанием это заведение никто не назвал бы. Я была очарована этим сверходаренным человеком, не имевшим ничего – ни квартиры, ни дома, ни картин. Ничего, кроме американской машины с нанятым шофером, чтобы передвигаться по Франции и остальной Европе. У него в спальне на табурете всегда стоял чемодан, который он даже не убирал в шкаф, как будто собирался уезжать – то ли к вечеру, то ли через час. «И давно ты здесь живешь?» – спросила я его. Он чуть помолчал и ответил: «Года три, что ли. Или четыре? Не помню». – «Но почему именно здесь?» – не отставала я. «Я здесь как-то обедал», – объяснил он таким тоном, словно это подразумевалось само собой: достаточно пообедать в ресторане при отеле, чтобы поселиться в нем на четыре года. В номере 418. Возвращаясь домой, я не могла отделаться от ощущения, что меня окружают люди, преисполненные спеси и ни на чем не основанных амбиций. И я уже не могла думать ни о чем другом, кроме него и его номера 418. Потом он купил квартиру, но жить в ней не смог – она казалась ему слишком большой, и он решил, что будет ее сдавать, а сам вернется в гостиничный номер. Вот тут все и закрутилось. В течение одного года, с промежутком в пять месяцев, я потеряла и мать, и отца. Мало кто способен представить себе, каково это – делить свою скорбь с прессой. Газеты выходили с однообразными заголовками: «Бланш де Катенак – наследница». На обложках журналов красовались мои фотографии в неизменных солнцезащитных очках. Я не виновата – у меня заболевание роговицы глаза, и я не переношу яркого света. Но по мнению журналистов, этот атрибут кинозвезды добавлял мне загадочности, и они использовали его на всю катушку. Они слагали обо мне целые саги в стиле американских телесериалов 1980-х наподобие «Далласа» или «Династии», наворачивая на меня соответствующие выдумки – так в вестернах проштрафившегося героя вываливают в дегте и перьях. Газетчики выволокли на свет все достояние холдинга «Катенак»: дворцы, казино, рестораны. Хорошо еще, что это была только верхушка айсберга – они понятия не имели о наших зарубежных приобретениях: гостиничных сетях, салонах спа и бизнес-центрах, которыми мы владели по всему миру. ЖБМ в те дни был со мной рядом. Одно его присутствие снижало мою нервозность; ни один журналист об этом не писал, но ЖБМ обладает потрясающей способностью: его спокойствие и кошачья улыбка действуют эффективнее, чем самые лучшие антидепрессанты. Когда он с тобой, тебе не страшно – потому, что не страшно ему; он вообще ничего не боится. Не могу сказать, что он помог мне взять в свои руки контроль над холдингом; отец давно научил меня, что надо делать, кроме того, два его советника, проработавшие с ним бок о бок четверть века, меня не бросили. Особняк с парком в центре Парижа перешел в мою собственность. «Забудь про свой отель, переезжай ко мне, – сказала я. – Переезжай к нам». Я очень хорошо помню, что сказала именно так: «Переезжай к нам». Мы поженились. У нас родились дети. И

ЖБМ наконец-то убрал свой чемодан в шкаф. Однажды, когда он был в отъезде, я попросила горничную достать его из шкафа и отнести на помойку. Я сделала это, чтобы навсегда лишить его возможности подхватить этот чемодан и уйти от меня. Чуть позже он вдруг сказал: «Слушай, странно, куда подевался мой чемодан? Я уверен, что убирал его в этот шкаф». Я пожала плечами и пробормотала, что не знаю. Мне кажется, я полюбила ЖБМ потому, что его любили мои родители, особенно отец; он мало что смыслил в бизнесе, которым занимался ЖБМ, и еще меньше во всех этих сетях, способных перевернуть будущее мира, но не мог не впечатлиться его успехами. Не каждый день встречаешь парня, который в двадцать шесть лет с нуля заработал два миллиона франков. Мы скрывали от моей матери, что он вложил средства в систему «Минитель». Мать предпочла бы, чтобы моим избранником стал наследник бизнес-империи, подобной нашей. ЖБМ происходил из зажиточной семьи, его отец был адвокатом, мать – дизайнером, но, разумеется, масштаб не шел ни в какое сравнение с финансовой мощью холдинга «Катенак». Меня, свою единственную дочь, родители засыпали нарядами и драгоценностями и следили, чтобы я общалась исключительно со сливками общества; я даже принимала участие в идиотской затее под названием «бал дебютанток». Когда случилось пришествие интернета, воспринятое ЖБМ как сбывшееся пророчество, принадлежащая ему фирма «Аркадия» заняла лидирующие позиции в области новейших технологий и получила заказ на оцифровывание холдинга «Катенак». Именно тогда я впервые услышала это слово: «оцифровывание». Услышала от ЖБМ – кроме него, его еще никто не произносил. Он вместе со мной явился на заседание совета директоров и зачитал программу из десяти пунктов, озаглавленную «Второй мир». Он говорил о том, что существует реальный мир, знакомый нам со времен основания холдинга, и еще один, подступающий, – «зеркальный» мир, состоящий из виртуальных сделок, но реальных клиентов. Члены совета слушали его как завороженные, и на их лицах читалось изумление. Он говорил о том, что бронирование номеров в отелях будет производиться не через агентства, а напрямую клиентами, сидящими перед компьютером на другом конце земли; что возникнут «платформы» (слова «сайт» еще никто не знал), на которых люди смогут играть в казино не выходя из дома, через специальные сети, а расплачиваться банковскими картами. Он говорил, что мы должны первыми запрыгнуть в этот поезд, потому что другой возможности уже не будет. Я прекрасно помню, как он ненадолго прервался, чтобы обвести взглядом присутствующих.

«Никакого второго шанса не будет, – сказал он, – даже не думайте об этом. Речь идет не об изменении логистики, речь идет о полной смене парадигмы. Те, кто не сядет в поезд, останутся в старом мире. Они погибнут, и это не будет тихое

угасание. Их кончина будет быстротечной».

Я его поддержала. Совет директоров с минимальным перевесом проголосовал за принятие его плана, рассчитанного на три года. Будущее доказало его правоту по всем десяти пунктам. Когда наши конкуренты только начали дергаться, видя распространение интернета, мы уже больше двух лет работали на рынке. Там, где остальным требовалось строить с нуля, нам нужно было лишь улучшать уже построенное. Много лет спустя ЖБМ связался с фирмой «Кодак» и предложил им долевое участие в капитале с целью срочного перехода на цифровые технологии. Он хотел, чтобы «Кодак» вложил двести миллионов долларов собственных средств и скупил все патенты на изобретения, связанные с замораживанием изображения; по его мнению, от этого зависело будущее фотографии. «Кодак» отверг его предложение, заподозрив в нем попытку подчинить себе фирму путем слияния. «Они не понимают, что я хотел их спасти», – часто повторял он в те месяцы. Меньше чем через год империя «Кодак», на протяжении почти ста лет доминировавшая в области производства фото- и киноплёнки, объявила о банкротстве и прекратила свое существование.

ЖБМ принес «Катенаку» миллионы – сотни миллионов. Мой муж – гений. О таком человеке, как мой муж, мечтают многие женщины. У нас два умных сына. Все хорошо, все просто отлично. Но могу ли я сказать, что когда-нибудь любила его? Да и способна ли я на любовь? Моя жизнь всегда состояла из строгих правил, этикета, денег и связей. Никакой любви в ней не предусмотрено. Мне неведомы такие вещи, как легкомыслие и беззаботность. Мне кажется, ЖБМ такой же. Это главное, что нас объединяет. Хотя он умеет любить, это я знаю точно. На свете есть как минимум два человека, которых он любил. Его брат, этот чудаковатый, эта ходячая энциклопедия, помешанный на предметах искусства и аукционах, с манерами декадента-денди. Его брат и Аврора, его помощница. С Авророй Дельфер они неразлучны. Мне кажется, если бы ЖБМ задали вопрос: «Что вы возьмете с собой на необитаемый остров?», – он в первую очередь назвал бы порфиновую урну с прахом Пьера Мазара и Аврору. Я следовала бы следующим пунктом. Если он вообще включил бы меня в список.

Сидя в машине, Аврора открыла сумку и достала номер «Форбс». Курьер доставил ей журнал в середине дня, и она пока не успела его прочитать. Она листала страницы, пока не нашла нужную статью – «Tycoon's Angels», – посвященную личным ассистенткам крупных бизнесменов. «Они молоды, красивы, они существуют в тени финансовых воротил, и им известны многие секреты, которых они никогда не выдадут». Так начиналась статья, написанная в неподражаемом гламурном стиле журнала, молящегося на бабло и понты. Дальше шло шесть интервью с ассистентками из разных стран, и каждое сопровождали фотографии девушки и ее босса.

«Чтобы ознакомиться с этой редкой и увлекательной профессией, мы решили опросить шестерых ее представительниц. В США и Японии, во Франции и России, – захлебываясь от восторга, писала журналистка, – бизнес-ассистентки занимаются организацией поездок своего шефа, следят за графиком его встреч, работают с документами, пишут справки, ищут нужную информацию и оказывают ему помощь в принятии решений. Взаимопонимание между бизнесменом и его личной ассистенткой должно быть абсолютным. Уровень ответственности в этой сфере таков, что грань между работой и частной жизнью стирается. Обычная «ассистентка» существенно отличается от «личной ассистентки»; в последнем случае в силу близкого контакта между шефом и его помощницей неизбежно возникает эмоциональная привязанность. «Нужно постоянно напоминать себе, что это просто работа!» – признается Дженни Дейвис (см. с. 55). Эта должность требует примерно тех же компетенций, что и должность секретаря директора, но подразумевает также владение иностранными языками, без чего невозможно общение на международном уровне. Зато персональная ассистентка испытывает ни с чем не сравнимое удовольствие, когда шеф прислушивается к ее мнению, а порой под ее влиянием меняет принятое решение. Личная ассистентка – важнейшее звено в деятельности крупного бизнесмена. Она – тот последний барьер, та «невидимая стена» (по выражению Авроры Дельфер, см. с. 57), через которую приходится пробиваться каждому, кто стремится войти с ним в контакт».

Аврора перелистнула две страницы и нашла свое интервью с фотографией, снятой год назад по окончании конференции в Лондоне. Она стояла, прижав плечом к уху айфон, указательным пальцем одной руки метя прямо в объектив, а вторую положив на плечо ЖБМ, смотревшему перед собой. «More than a bodyguard! – гласила подпись под снимком. – Aurore Delfer, personal assistant of french economist and businessman Jean-Bernard Mazart, also known as: JBM. Probably the most discreetful...»[2 - Больше чем телохранитель! Аврора Дельфер – личная ассистентка французского экономиста и бизнесмена Жан-Бернара Мазара,

известного также как ЖБМ. По всей вероятности, самая скромная... (англ.)] По всей вероятности, самая скромная, но одновременно самая авторитетная персона из нашего списка. В прошлом – ассистентка генерального секретаря Европейской комиссии, оставила этот пост семь лет назад и присоединилась к ЖБМ, став в двадцать шесть лет самой молодой помощницей бизнесмена подобного уровня. ЖБМ и Аврора – бесспорно, самый привлекательный тандем из представленных в нашем обзоре». Авроре вспомнились статьи из журналов, в которых кинозвезд просили сфотографироваться с домашним животным. Она быстро пробежала глазами интервью – она уже читала его месяц назад, когда редакция прислала ей материал на подтверждение.

«Форбс». Вы – самая молодая из шести наших героинь, занимающих столь ответственные посты... Аврора. Я рано начала. И благодарна всем, кто дал мне этот шанс. «Форбс». Вы получаете предложения от других бизнесменов?

Аврора. Я их получала.

«Форбс». Но вы их не приняли?

Аврора. Как видите.

«Форбс». Вас иногда называют «невидимой стеной» (invisible fortress в тексте). Вас это раздражает? Аврора. Я привыкла. Если подумать, это довольно точная метафора, отражающая суть нашей профессии, по крайней мере частично. На самом деле это связано с тем, что ни у кого, кроме близких людей, нет номера мобильного ЖБМ. Все звонки идут через меня.

«Форбс». Во французском языке существует обращение на «вы» и на «ты». Вы с шефом на «ты»?

Аврора. Нет, мы разговариваем на «вы». Не думаю, что мы когда-нибудь сможем перейти на «ты». Но меня это устраивает.

«Форбс». Как вы познакомились с ЖБМ?

Аврора. Семь лет назад я работала ассистентом Марио Мончелли (генерального секретаря Европейской комиссии. – Ред.). ЖБМ принимал участие в работе парламентской конференции по развитию информационных технологий. Во время коктейля я подошла к нему и сказала, что хочу работать с ним.

«Форбс». Нахальства вам не занимать...

Аврора. Да, вы правы, нахальства мне не занимать.

«Форбс». Почему вы захотели работать с ним?

Аврора. Именно этот вопрос задал мне и он. Но не стал ждать ответа, а тут же спросил, сколько будет шестьсот семьдесят пять умножить на пятьсот шестьдесят четыре.

«Форбс». И?

Аврора. Триста восемьдесят тысяч семьсот. Он удивился, что я быстро ответила, и задал еще несколько таких же вопросов. На каждый я ответила и ни разу не ошиблась. Судя по всему, мы с ним оба хорошо умеем считать в уме. Благодаря этому между нами сразу возникло взаимопонимание. Затем я оставила секретариат Марио Мончелли и перешла на работу в «Аркадию» вторым ассистентом. Полгода спустя личный ассистент ЖБМ принял решение изменить свою жизнь – в нашей среде это происходит довольно часто. ЖБМ предложил мне работать непосредственно с ним».

Аврора открыла дверь своей квартиры. Ни мужа, ни детей, ни собаки, ни кошки. У нее не было никого, даже любовника. Последний из них какое-то время мирился с тем, что его подруги почти никогда не бывает дома и что она зарабатывает в пять раз больше, чем он, но в конце концов не выдержал. Она посмотрелась в зеркало в передней и увидела привлекательную девушку с длинными белокурыми волосами и ясным, несмотря на усталость, взглядом. В кармане тренькнул мобильник.

ЖБМ

Спокойной ночи, Аврора. Спасибо, что вы есть.

Омолаживание

«Кто он, этот ЖБМ?» Заголовок шел через всю первую полосу «Фигаро», рядом помещалась фотография бизнесмена. На ней было видно, что виски у него совсем белые, но в глазах была та же едва заметная печаль, и он улыбался той же кошачьей улыбкой. Сложенные руки он держал перед собой; из-под пиджака выглядывали манжеты голубой сорочки с бриллиантовыми запонками. Судя по внимательно-сосредоточенному лицу, снимок делали на какой-то конференции. «Фигаро» не сообщила ни одной подробности, которой Ален уже не знал. Зато газета забыла упомянуть, что в 1983 году ЖБМ выступал спонсором группы «Голограммы», исполнявшей музыку в стиле «новой волны». Накануне они с Вероникой посмотрели по телевизору передачу, ужиная горячими сэндвичами. Алену больше всего запомнился Франсуа Ларнье, во взгляде которого на миг мелькнуло чувство полнейшей паники, зафиксированное камерой. Надо думать, у бедолаги почва из-под ног ушла. ЖБМ раздавил его походя, даже не ставя перед собой такой цели – так хозяин загородного дома, подавая задом в гараже машину, нечаянно сбивает свою собаку. Слышен короткий визг, и сразу после – тишина. Ой, я раздавил Медора. Но официальный кандидат и взвизгнуть не успел. Он умер молча, собрав в кулак остатки доблести. «Это не он был парнем вашей вокалистки?» – спросила Вероника. «Он», – скупое ответил Ален.

* * *

Тем утром боль в спине немного отпустила.

– Я связался с остальными, – сообщил Ален, складывая газету.

Он произнес эту фразу таким же уверенным и безапелляционным тоном, каким обычно говорил пациентам: «Я назначу вам антибиотики».

– Наверняка у кого-то еще сохранилась эта кассета, – добавил он в надежде получить от Вероники одобрение, а заодно убедить самого себя, что поступил

правильно.

Вероника, только что появившаяся из ванной, одетая и безупречно покрашенная, кивнула:

– Конечно, это тебя отвлечет. К кому думаешь навеститься к первому? К своему другу Вогану?

Ален уловил в ее словах оттенок иронии.

– Нет, только не к нему, – ответил он, слегка задетый. – Я послал имейл Фредерику Лежену, но он в Таиланде...

Вероника подняла брови, демонстрируя удивление подобной глупостью.

– Еще один имейл послал Стэну Лепелю, на адрес его галериста, – добавил Ален. – И еще один Пьеру Мазару, брату ЖБМ. Он антиквар.

– А где он живет?

– В Париже.

– Тогда зачем этот имейл? У него свой магазин, возьми да сходи туда. Заодно развеешься, а то ты уже неделю из дома не выползал. Оденешься, побреешься, причешешься... Нельзя же всю жизнь провести в пижаме.

Ален ничего не ответил. Он встал и подошел к кофемашине, чтобы сделать себе еще чашку кофе. И подумал, что Вероника сегодня утром что-то необычайно оживленна.

За дни болезни у него появилось ощущение, что чем меньше ему хотелось шевелиться, тем бодрее выглядела Вероника; она вставала раньше, чем обычно, и лучилась энергией, какой он не замечал за ней уже много месяцев. Он даже задумался, а не завела ли она любовника, но не смог найти среди их общих знакомых никого пригодного для этой роли. В сущности, с точки зрения мужа, которому давно надоела жена, в этом заключалось определенное удобство – пусть ее другой развлекает. Неверные жены возвращаются со свиданий в

игривом расположении духа и не ворчат, так что терпеть их рядом гораздо легче. Но и любовник видит женщину исключительно с хорошей стороны: его не касаются повседневные заботы и домашние хлопоты, то есть все то, что постепенно губит любовь. Любовники оставляют тягостное бремя будничной жизни за скобками свидания, чтобы, расставшись, вновь взвалить его на себя. Может, и ему завести любовницу? Ален мысленно перебрал знакомых женщин, прикидывая, кто из них согласился бы закрутить с ним роман. Его кастинг оказался коротким – хватило пальцев одной руки. Но главное, он не внушал оптимизма и сулил больше проблем, чем удовольствий. В конце концов Ален плюнул на эту затею.

* * *

Оставшись в квартире один, он снял телефонную трубку и набрал номер магазина «Былые времена», принадлежавшего Пьеру Мазару. После нескольких длинных гудков включился автоответчик, голосом Пьера сообщивший часы работы магазина и предупредивший, что заказы на автоответчик не принимаются. Вероника была права – проще сходить туда самому. Небольшая прогулка ему не повредит. Ален направился в ванную. Болезненно сморщившись, стянул с себя домашний халат и посмотрелся в зеркало. Ничего хорошего он там не увидел: неряшливая недельная щетина, на подбородке явственно белая, очки на носу... Он становился все больше похожим на своего отца. Ален взял бритву и пену для бритья. Полчаса спустя он был безупречно выбрит. Он даже слегка подстриг волосы, позаимствовав у Вероники ножницы, и запустил лапу в упаковку с линзами, срок годности которых еще не истек. Очки без оправы, по словам продавца из «Оптики», его «молодившие», отправились в помойное ведро, присоединившись к ватным тампонам, которыми Вероника снимала макияж. Перед тем Ален с садистским наслаждением скрутил их в бараний рог, нехоти вспомнив, что страховка возместила ему лишь малую часть стоимости очков.

Отражение в зеркале все еще мало напоминало Алена – гитариста группы «Голограммы», но все же чуточку к нему приблизилось. Он достал из шкафа черный костюм и белую сорочку, потянулся было к красным носкам, купленным в Риме, в лавочке, якобы снабжавшей Ватикан и лично папу, но вовремя одумался и сделал выбор в пользу черных носков и мокасин. Теперь он выглядел шикарно, но строго. В передней его взгляд упал на трость, стоявшую вместе с зонтами. Этот предмет, очевидно доставшийся в наследство от кого-то из предков, хранился в доме давно и не был лишен элегантности, но плохо соответствовал

его профессии, да еще и наводил на мысли о болезни или старости. Ален вернул трость на место, налил себе стакан воды и принял две таблетки дафальгана по 500 мг каждая.

Вероника

Ну разумеется, я ему изменяю. Вчера вечером он спросил меня об этом. Я была в ванной, чистила зубы. Уверена, что он с середины дня собирался с духом, чтобы задать мне этот вопрос. Я посмотрела на его отражение в зеркале – он был в пижаме, – и мне захотелось рассмеяться. Но я сдержалась. Меня так и подмывало ему ответить: «Да, я тебе изменяю, ну и что?» Просто чтобы поглядеть на его физиономию. Но и этого я не сделала. Я лишь подняла глаза к потолку, прополоскала рот и раздраженно сказала: «Умнее ничего не придумал?» Ален полностью этим удовлетворился и пошел лег в постель с грелкой. Люди часто довольствуются малым – их в основном устраивает то, что они хотят услышать. Скажи им это, и они от тебя отстанут. Я изменяю ему потому, что мне скучно, потому что после двадцати пяти лет брака и двух прекрасно воспитанных детей я, в отличие от других, все еще чувствую себя живой. Я изменяю ему потому, что не всегда была женой доктора Масулье. Вот сейчас он заиклился на кассете с записью рок-музыки времен его молодости – замечу кстати, что мне это кажется диким пафосом, – но и я помню свою молодость. У меня были любовники, я нравилась мужчинам, они провожали меня до дома, и с одними я прощалась у дверей, а других приглашала зайти. Я помню, что летала на самолете на свидание с мужчиной в Италию и в Швейцарию. Я помню, что эти же мужчины – или другие, не важно, – тоже летали на самолете или ехали на поезде на свидание со мной.

Я не жалею, что вышла замуж за Алена; для нас обоих тогда настал подходящий момент. Потом я заснула на долгие годы. Это была легкая жизнь; дети росли, не создавая особых проблем – в школе случались двойки, в переходном возрасте у нас бывали стычки, но в целом ничего из ряда вон выходящего. Нам не пришлось столкнуться с подростковой наркоманией, наши дети не водили дурную компанию, и мы не бегали посреди ночи в полицию их выручать. С работой у меня тоже все было в порядке, никакой нервотрепки и очень приличная зарплата. Я занималась пятью парижскими магазинами в люксовом сегменте и предлагала им оформление витрин в соответствии с временем года. Естественно, перед Рождеством все мы стояли на ухах. Но в последние годы

дела пошли неважно, и помимо люкса я начала сотрудничать с другими брендами, ближе к средней ценовой категории. Появились китайцы, готовые выполнять ту же работу за полцены. У меня осталось всего два верных клиента, и, хоть я никогда ни в чем не соглашаюсь с Аленом, я не хуже его понимаю, что мое благополучие рано или поздно накроется. Найдутся люди помоложе и познергичней, они разработают дизайн, который покорит рынок. У Алена подобных проблем нет и не предвидится – на его век хватит гастроэнтеритов, приступов аллергии, насморков и бронхитов. Люди всегда будут болеть. Года через три-четыре я останусь без работы, но я не отчаиваюсь. Все равно ничего не поделаешь. Я старалась как могла, а больше от меня не зависит. Нельзя все время выигрывать; рано или поздно ты проигрываешь и вынужден вставать из-за стола. Кроме того, я знаю, что через несколько лет, когда я вплотную подойду к шестидесяти, мужчины, мягко выражаясь, будут обращать на меня значительно меньше внимания.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Буря. Пер. М. Донского.

2

Больше чем телохранитель! Аврора Дельфер – личная ассистентка французского экономиста и бизнесмена Жан-Бернара Мазара, известного также как ЖБМ. По всей вероятности, самая скромная... (англ.)

Купить: https://tellnovel.com/ru/loren_antuan/francuzskaya-rapsodiya

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)